

А.С. Остапенко

ПОПЫТКА СЛЕДОВАНИЯ НОВОМУ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ ПУТИ: ПАРИЖСКАЯ ХАРТИЯ 1990 ГОДА КАК ЗАБЫТЫЙ ОРИЕНТИР

Аннотация. Рассматриваются проблемы демократического развития России и западных стран. Анализируются процессы сближения СССР и США на основе демократических принципов, провозглашенных Парижской хартией для новой Европы 1990 года. Резюмируется, что стабильность не обязательно должна быть связана с глобализацией, транзитом и унификацией демократий, а утверждение либеральных трактовок демократии как ценности в мировом масштабе далеко не бесспорно. Предполагается, что, несмотря на нереализованность Парижской хартии, она содержит эффективный вектор развития институтов государства и права.

Ключевые слова: демократия; СССР и США; международные отношения; разрядка; Парижская хартия для новой Европы; стабильность и нестабильность.

A.S. Ostapenko

AN ATTEMPT TO FOLLOW A NEW DEMOCRATIC PATH: THE PARIS CHARTER OF 1990 AS A FORGOTTEN LANDMARK

Abstract. The problems of democratic development of Russia and Western countries are considered. The processes of rapprochement between the USSR and the USA on the basis of the democratic principles proclaimed by the Paris Charter for a New Europe of 1990 are analyzed. It is summarized that stability does not necessarily have to be associated with globalization, transit and unification of democracies, and the assertion of liberal interpretations of democracy as a value on a global scale is far from indisputable. The author assumes that, despite the unrealisation of the Paris Charter, it contains an effective vector of evolution of the institutions of state and law.

Keywords: democracy; USSR and USA; international relations; detente; Charter of Paris for a New Europe; stability and instability.

Многие государства существуют на протяжении столетий и тысячелетий, меняя свою форму и внутреннюю организацию, существование других охватывает краткие исторические периоды и заканчивается уходом в небытие. К середине XX столетия в мире насчитывалось чуть более шести десятков государств, в настоящее время их количество превысило две сотни, что связано как с крахом колониализма, так и с распадом социалистической системы. 25 декабря 1991 года на политической карте мира появилось новое государство – Рос-

сийская Федерация. Принятая в 1993 году Конституция РФ определила основные конституционно-правовые характеристики Российской Федерации как государства (статьи 1, 7 и 14 Основного закона). Кроме того, статья 2 Конституции РФ установила приоритетное значение прав и свобод человека в иерархии социальных ценностей, что после десятилетий преобладания общественного (государственного) начала над личным явилось переходом к иному пониманию взаимоотношений человека, социума и власти.

Остапенко Андрей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и юридических дисциплин, Российский новый университет (Таганрогский филиал), город Таганрог. Сфера научных интересов: история государства и права; проблемы становления гражданского общества; правовое регулирование туризма. Автор более 35 опубликованных научных работ.

Электронная почта: tf-rosnou@yandex.ru

В настоящее время на смену представлениям об управлении государством и обществом сугубо административными методами приходит осознание комплексной природы управленческой деятельности, где движущей силой выступает не только государство, но и гражданское общество, его системы и подсистемы. Интерес к вопросам демократического развития современной России вызван как тенденциями политико-правовой жизни страны, так и определением степени оригинальности демократической модели, ее ключевых элементов. Научный анализ и обобщение практики развития российской демократии могут выявить закономерности ее формирования, проходившего в сложных условиях нестабильности общественных отношений, что в свою очередь может способствовать прогнозированию будущего развития демократических институтов государства.

Большинство ныне существующих демократических государств прошли длительный период становления данной политической формы, заключавшийся в возникновении и развитии демократических институтов, их эволюции, накоплении аксиологического потенциала демократии. Для России эти процессы протекали сначала в рамках системы советской демократии, не вполне соответствующей устоявшимся мировым представлениям, а после начала перестройки – в рамках демократи-

зации с оглядкой на Запад и копированием западных моделей и образцов. Транзит демократии был обусловлен трансформацией отношений между капиталистическими государствами Запада и социалистическими странами, что придало им новые смыслы парадигмального общения, с конца 40-х годов XX века состоявшего лишь в противостоянии.

В плане развития международных отношений последняя треть XX века характеризовалась поиском пути к разрядке международной напряженности и стабилизации отношений между Востоком и Западом, объединенных в две противоборствующие идеологические системы. Разговор с позиции силы являлся бесперспективным в условиях ядерного паритета, и в правительственных кругах западных государств «стала пробивать себе дорогу идея переговоров, обозначился поиск путей к безопасности через сотрудничество и обеспечение доверия на европейском континенте» [8, с. 86]. Это вылилось в начало договорного процесса между СССР, западноевропейскими странами и США. Кульминацией процесса разрядки стало подписание в 1975 году Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, внесшего в международное право новые принципы и нормы.

Со второй половины 80-х годов, после прихода к власти в СССР руководства во главе с М.С. Горбачевым, обозначил-

Попытка следования новому демократическому пути: Парижская хартия 1990 года
как забытый ориентир

ся новый этап разрядки международной напряженности, вкпе с изменениями общественно-политического строя Советского Союза, послуживший предпосылкой окончания холодной войны [9, с. 29]. К концу 80-х годов стали регулярными встречи руководителей двух сверхдержав, подписание различных соглашений и иных международных документов между СССР и США. При этом, несмотря на всю незавершенность преобразований эпохи перестройки, советская демократическая система стала более открытой и гибкой, приспособляющейся к изменениям в политике, экономике, культуре, иных сферах общественной жизни. Были преодолены барьеры, сдерживающие развитие политического сознания общества, плюрализм идей, мнений, установок породил поляризацию общественных сил, придал политическим процессам многогранность и внутреннюю альтернативность как возможность выбора.

Примечательно, что в конце ноября 1990 года на Совещании глав государств и правительств стран – участниц СБСЕ была принята Парижская хартия для новой Европы [7] – документ, на тот момент, как казалось, открывавший новый демократический этап в международном масштабе, в Европейском или Хельсинском процессе. Для европейских стран и Советского Союза Парижская хартия должна была стать началом реального процесса перемен и повсеместного господства демократических ценностей. В обновленном общеевропейском доме было торжественно провозглашены «окончание эры конфронтации» [7], «новая эпоха демократии, мира и единства» [7], «процветание через экономическую свободу и социальную справедливость» [7] – благородные цели, которые, как показало время, так и остались на бумаге.

Идеи и принципы часто декларируются как для успокоения собственного самодлюбия, так и для непризнания чьего-либо превосходства. Провозгласив их, о них той или иной причине забывают и действуют без учета наработанных правовых и социальных ориентиров, нарушая их повсеместно. В подобном случае наступает риск балансирования на грани права и несправедливости, как это происходит в настоящее время во всех существующих «правовых» государствах. В условиях отсутствия конструктивного диалога попытки управления подобной ситуацией ведут к кризису, росту нестабильности в системе как внутригосударственных, так и международных отношений. Для преодоления таких состояний необходимо признать ответственность за свободу выбора в жизни человека и общества, что может помочь ориентироваться в стабильно-нестабильном мире. Иначе провозглашенные ценности и содержащиеся их документы превращаются в простую декларацию без возможностей реализации.

Одновременно с Парижской хартией руководители стран Организации Варшавского договора и НАТО приняли совместную декларацию, заявив, что настала новая эпоха в европейских отношениях, где они больше не будут противниками, а станут равноправными партнерами в новом будущем. «Таким образом, – указывает И.М. Узародов, – именно на парижской встрече СБСЕ была подведена черта под холодной войной. Также важно подчеркнуть, что тогда никто не говорил об одержанной победе. И ни у кого не возникало мысли считать Советский Союз проигравшей стороной» [9, с. 32]. До событий августа 1991 года оставались еще месяцы, до Соглашения о создании СНГ – чуть больше одного года. Парижская хартия, давшая перспективу и возможность интеграции СССР и Запада, оказалась ненужной после

краха Советского государства, повлекшего смену парадигм политического и международного взаимодействия. Изменились или исчезли прежние конфронтационные понятия, завершилось глобальное идеологическое противостояние. Началось формирование нового мирового порядка, в котором Запад рассчитывал на преобладающее положение в нем (и верил в это).

По словам одного из бывших президентов США (Джорджа Буша-старшего), холодная война являлась «борьбой за душу человечества» [10, р. 3], и действительно, в 90-е годы XX века западная культура, западный образ жизни как прежде всего идеология потребления проникли во многие регионы мира, где ранее царствовали иные ценности. «В 1990 году происходили два параллельных исторических процесса, осложняющих понимание значения Парижской хартии 1990 года. Для разных участников она означала разные вещи. С одной стороны, поскольку она знаменовала завершение холодной войны, Буш-старший видел в Парижской хартии признание победы Запада в холодной войне и решение проблем прошлого. С другой стороны, поскольку речь шла о создании новой общеевропейской системы безопасности, Советский Союз видел в Парижской хартии начало нового порядка и инструмент решения проблем в будущем» [2, с. 26]. Суверенитет народа проявляется не только на государственном уровне, но и на международном, главной целью которого является выстраивание модели международных отношений, обеспечивающей стабильное развитие национального государства. Подобная модель может основываться на интеграции различных политико-правовых и идеологических систем, дисфункции же в их взаимоотношениях порождают неопределенность в региональной и мировой политике.

Стабильность не обязательно должна быть связана с глобализацией, транзитом и унификацией демократий, ценностей, образа жизни, поскольку социально-политическая картина мира является набором всевозможных моделей общественно-политического устройства, культур и социальных предпочтений. «Конец истории» (Ф. Фукуяма) не состоялось по причинам дискредитации самой либеральной демократии, не подходящей ко всем социальным и национальным условиям, а также кризиса гегемонии США, приведшего последние к темному и неясному горизонту будущего. «Создание нового мирового порядка, о котором так много говорили 25 лет тому назад, не привело к успеху. После распада СССР США оказались не в состоянии управлять мировыми процессами. Справедливости ради нужно сказать, что многополярный мир, к которому так стремились, сегодня не обещает порядка, гармонии и равновесия», – пишет П. Дуткевич [3, с. 83]. Декларации и обязательства Парижской хартии, которые могли бы стать основой новых взаимоотношений между странами Запада и Россией, не выдержали испытаний реальности, перераспределения ролей в мировой политике. В годы перестройки надежды связывались с возможностями преодоления конфронтации нашей страны и Запада, пропаганда западного образа жизни имела широкий успех, однако немногие воспринимали сущность западной жизни без романтизма – в обществе господствовали весьма примитивные представления о западном обществе и его ценностях.

В аналитическом докладе ОБСЕ «Дорога к Парижской хартии: исторические нарративы и уроки для ОБСЕ сегодня» констатируется, что «надежды, которыми проникнут полный оптимизма текст Парижской хартии для новой Европы» [2, с. 4],

Попытка следования новому демократическому пути: Парижская хартия 1990 года
как забытый ориентир

не просто не реализованы, а «оказались тщетными» [2, с. 4], то есть напрасными и недостижимыми. Подтвердив идеологию прав человека и приверженность государств принципам Заключительного акта СБСЕ 1975 года, Парижская хартия так и не стала инструментом масштабных преобразований. Спустя три десятилетия этот международный документ конца XX века выглядит искусственной и иллюзорной попыткой воплотить политико-правовые и социальные идеалы в реальную жизнь, основанную не на идеалах, а на прагматичных поступках, конфликтах, борьбе одних против других, что справедливо для любой исторической обстановки.

В настоящее время Российская Федерация сохраняет общность интересов с другими государствами по многим международным проблемам – противодействию распространению оружия массового уничтожения, урегулированию региональных конфликтов, борьбе с международным терроризмом и наркобизнесом, всем тем, что несет опасность личности и человечеству в целом, обеспечению неотъемлемых прав и свобод человека. В то же время новые витки напряженности, конфронтация, санкционные войны стали обыденностью. «Санкции и ответные санкции, санкции на ответные санкции. Ныне это, а не Парижская хартия – квинтэссенция кипучей деятельности политического истеблишмента и на Западе, и у нас», – пишет Р. Гринберг [1, с. 6]. Утверждение либеральных трактовок демократии как ценности в мировом масштабе далеко не бесспорно, поскольку пропагандируемые и насаждаемые Западом модели оторваны от человека, лишены подлинного народовластия, не сводящегося к «войне всех против всех», демонстрируемой политическими элитами западных государств в последние годы. К тому же и демократические ценности во многом

релятивны и изменчивы, особенно в условиях развития либеральной демократии на фоне кризисных явлений, охвативших мировое сообщество в 2020–2021 годах, которые неолиберализм не способен преодолеть в отсутствие гуманизации и демократизации общественной и политической жизни.

Социальная и экономическая нестабильность, имеющие своими причинами и давно назревшие точки социальной бифуркации, и новые проблемы, как, например, пандемию COVID-19, потенциально могут породить негативные тенденции внутри социума. Так, например, А.Н. Курюкин по этому поводу пишет: «Пандемия COVID-19 разворачивается в то время, когда политическая система, свойственная последней четверти XX – первым десятилетиям XXI века, узловым компонентом которой выступает демократия, находится в упадке. Согласно данным, собранным Freedom House, демократия находится в рецессии более 10 лет, и все больше граждан в разных странах, включая и признанных лидеров демократии, каждый год теряют, а не получают гражданские и политические права» [6, с. 275]. В демократическом государстве социальная жизнь основывается на плюрализме и представительстве, воплощенных в политическом бытии, а не на деиндивидуализации личности в пользу коллективных интересов, зачастую понимаемых по-разному. В то же время недовольство и групповой эгоизм не способствуют разрешению кризисных ситуаций и нестабильности, побороть которые может только государство.

Демократическое развитие государств в конце XX – начале XXI веков выдвинуло требование параллельного существования различных культур, их взаимного проникновения и обогащения в рамках общечеловеческой морали и нравственно-

сти, что не всегда разделяется массовым сознанием или социальными группами. При этом крайности конфликтов «базируются на выдвигании противоречия между двумя составляющими: стремлении одних установить всемирную демократическую империю во главе с мировым правительством и мировой конституцией и попытке других полностью отвергать западные демократические ценности, выступать за всемирный халифат и исламизацию человечества» [4, с. 6–7]. Действительно, мультикультурализм как идея приемлем главным образом для стран Европы и США, где издавна существует более высокий уровень правосознания, правовой культуры и терпимости к новому или чуждому, но и здесь возникают серьезные проблемы, связанные с конфликтом культур, идентичности, ценностей.

Поэтому в настоящее время требование следовать не только нормам права, но и иных социальных регуляторов, таких как мораль, нравственность и так далее, принципам международного права, отражающим универсальные ценности

мира и прав человека, становится актуальным, о чем писал Иммануил Кант еще в конце XVIII века в трактате «К вечному миру»: «Более или менее тесное общение между народами земли развилось всюду настолько, что нарушение права в одном месте чувствуется во всех других. Из этого видно, что идея права всемирного гражданства есть не фантастическое или нелепое представление о праве, а необходимое дополнение неписаного кодекса государственного и международного права к публичному праву человека вообще и потому к вечному миру» [5, с. 403]. Конечно, данное положение существует как должное, а не сущее, но оно не является утопией, поскольку его реализация включает возможность преобразования человеческой цивилизации в подобие всемирного гражданского общества. Его построение может быть основано в том числе и на демократических принципах Парижской хартии 1990 года, которой определен наиболее эффективный вектор развития институтов государства и права для будущего развития цивилизации.

Литература

1. Гринберг Р. Парижская хартия как упущенный шанс // Мир перемен. 2015. № 3. С. 5–7.
2. Доклад Сообщества аналитических центров и академических институтов ОБСЕ «Дорога к Парижской хартии: исторические нарративы и уроки для ОБСЕ сегодня». URL: https://osce-network.net/file-OSCE-Network/Publications/RoadtoParisCharter_2018_RU_web.pdf (дата обращения: 06.11.2021).
3. Дуткевич П. Пять мыслей на тему международной стратегической нестабильности // Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XV Междунар. Лихачевские научные чтения, 14–15 мая 2015 г. СПб.: СПбГУП, 2015. 660 с.
4. Зорькин В.Д. Верховенство права и встреча цивилизаций // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 1. С. 1–10.
5. Кант И. К вечному миру // Соч.: в 4 т. на нем. и рус. языках. Т. I. Трактаты и статьи (1784–1796). М.: Ками, 1993. 586 с.
6. Курюкин А.Н. COVID-19 как вызов политической системе и демократии в России и в мире // Власть. 2020. № 5. С. 275–280.
7. Парижская хартия для новой Европы. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/3/4/39520.pdf> (дата обращения: 06.11.2021).

Попытка следования новому демократическому пути: Парижская хартия 1990 года
как забытый ориентир

8. Смирнов А.М. Участие СССР в обеспечении безопасности в Европе с конца 1960-х – второй половины 1980-х гг. // *Армия и общество*. 2014. № 1. С. 86–91.
9. Узнародов И.М. СССР и окончание Холодной войны // *Научная мысль Кавказа*. 2016. № 1. С. 27–37.
10. Leffler M.P. (2007) *For the Soul of Mankind: The United States, the Soviet Union, and the Cold War*. N.Y.: Hill a. Wang, cop. 586 p.

References

1. Grinberg R. (2015) Parizhskaya hartiya kak upushchennyj shans [The Charter of Paris as a missed chance]. *A world of change*. No. 3. Pp. 5–7. (In Russian).
2. Doklad Soobshchestva analiticheskikh centrov i akademicheskikh institutov OBSE «Doroga k Parizhskoj hartii: istoricheskie narrativy i uroki dlya OBSE segodnya». URL: https://osce-network.net/file-OSCE-Network/Publications/RoadtoParisCharter_2018_RU_web.pdf (data obrashcheniya: 06.11.2021).
3. Dutkevich P. (2015) Pyat' myslej na temu mezhdunarodnoj strategicheskoy nestabil'nosti [Five thoughts on the topic of international strategic instability]. *Modern global challenges and national interests* (May 14–15, 2015). Saint Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. 660 p. (In Russian).
4. Zor'kin V.D. (2008) Verhovenstvo prava i vstrecha civilizacij [The Rule of law and the Meeting of Civilizations]. *Journal of Constitutional Justice*. No. 1. Pp. 1–10. (In Russian).
5. Kant I. (1993) K vechnomu miru [To the eternal world]. *Op.: in 4 vols. on germ. and rus. T. I. Treatises and articles (1784–1796)*. Moscow: Kami. 586 p. (In Russian).
6. Kuryukin A.N. (2020) COVID-19 kak vyzov politicheskoy sisteme i demokratii v Rossii i v mire [COVID-19 as a challenge to the political system and democracy in Russia and in the world]. *Power*. No. 5. Pp. 275–280. (In Russian).
7. Parizhskaya hartiya dlya novej Evropy. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/3/4/39520.pdf> (data obrashcheniya: 06.11.2021).
8. Smirnov A.M. (2014) Uchastie SSSR v obespechenii bezopasnosti v Evrope s konca 1960-h – vtoroj poloviny 1980-h gg. [The participation of the USSR in ensuring security in Europe since the late 1960s - the second half of the 1980s.]. *Army and Society*. No. 1. Pp. 86–91. (In Russian).
9. Uzнародов I.M. (2016) SSSR i okonchanie Holodnoj vojny [The USSR and the end of the Cold War]. *Scientific Thought of the Caucasus*. No. 1. Pp. 27–37. (In Russian).
10. Leffler M.P. (2007) *For the Soul of Mankind: The United States, the Soviet Union, and the Cold War*. N.Y.: Hill a. Wang, cop. 586 p.